

ГЕРТ НЮГОРДСХАУГ

Второе
дело
Фредрика
Дрюма

ГРЕНЛАНДСКАЯ
КУКЛА

Герт Нюгордсхауг
Гренландская кукла
Серия «Скандинавский
детектив (РИПОЛ)»
Серия «Фредрик Дрюм», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68589433

Гренландская кукла : [роман] / Герт Нюгордсхауг: «РИПОЛ классик» /

«Пальмира»; 2021

ISBN 978-5-386-12895-1

Аннотация

В остросюжетном романе «Гренландская кукла» (1987) гедонисту Фредрику Дрюму предстоит оказаться на тонущем пароме, а затем ему в руки попадет странная гренландская кукла – то ли оберег, то ли древний тотем, который к тому же как-то связан с хорошо сохранившимися останками доисторических людей, которые обнаружили в Норвегии.

Содержание

1	5
2	24
3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Герт Нюгордсхауг

Гренландская кукла

GERT NYGÅRDSHAUG Jegerdukken 1987

Jegerdukken © Gert Nygårdshaug

© Издание на русском языке. Storyside, 2021

© Жданов Л. Л., наследники, перевод на русский язык,
2021

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ клас-
сик», 2021

* * *

1

Фредрик Дрюм встречает весну мокрый насквозь, но исполненный радостных ожиданий

Весеннее солнце припекало. От яркого света у Фредрика Дрюма щекотало в носу. Он сощурил глаза и трижды громко чихнул.

Его чих не привлек особого внимания окружающих. Фредрик Дрюм был в числе немногих людей, которые ждали паром, обеспечивающий сообщение с Большим островом, а так как близился вечер, главный поток пассажиров направлялся в обратную сторону.

Часы показывали без десяти пять, и кроме него на деревянных скамейках сидели еще трое.

Оброненная чайкой визитная карточка шлепнулась на шершавые доски причала в двух-трех сантиметрах от его правой штанины, и несколько капель окрасили светлую ткань, но Фредрик Дрюм не стал их стирать – весна, природа не скупится на свои дары... Чистый воздух, ласковое голубое небо, и еще не один час пройдет, прежде чем солнце скроется за лесистыми холмами к западу от Бюгдэй.

Солнечные лучи отражались от мелкой ряби на сероватой поверхности моря; если прищуриться, так и кажется, что над фьордом взлетают белые птицы и беззвучно проносятся ми-

мо.

Во что только не превращаются солнечные лучи...

Он вытащил из кармана кристалл в виде пятиконечной звезды размером с пятак, но намного толще, около сантиметра. Фредрик Дрюм никогда не расставался с этим кристаллом; вот и сегодня он лежал, тяжелый и теплый, в кармане брюк. На ладони он переливался в лучах солнца яркими красками. Фредрик Дрюм снова чихнул и поспешил засунуть его обратно в карман.

Паром приближался к причалу, битком набитый жителями Осло, которые уже успели насладиться на Большом острове чудесной весенней погодой.

У Фредрика Дрюма было прекрасное настроение. Давно он не испытывал такого воодушевления. И дело не только в дивном весеннем дне – в кармане у него лежало приглашение французского поставщика вин, который вместе с одним известным в Осло рестораном устраивал дегустацию вин из района Сен-Жюльен. Мероприятие было назначено на сегодня, среду пятого мая. Начало – в половине шестого, место сбора участников – Большой остров, конкретно – тамошнее кафе, чье помещение было снято по этому случаю устройствами. Приглашение напечатано на мелованной бумаге, в верхнем левом углу листа – цветная фирменная эмблема.

Известный ресторан? Название ресторана не было указано, но Фредрик почти не сомневался, что речь идет о «Д'Артаньяне». Он был лично знаком с директором «Д'Артанья-

на» – приветливым датчанином, большим гурманом. «Ну конечно же, „Д’Артаньян“», – сказал он себе. Не так уж много в Осло ресторанов, чьи владельцы обладают творческой фантазией.

Паром пришвартовался, и пассажиры устремились к сходням. Скоро палубы опустели, можно было подниматься на борт.

Странно. Похоже было, что Фредрик Дрюм – единственный дегустатор среди тех, кто ждал на пристани паром. Две женщины с большими термосами и складными шезлонгами явно собирались в этот светлый весенний вечер насладиться природой на пляже; они устроились на корме. Мужчина, как и сам Фредрик, остался стоять на носу. Вероятно, турист, судя по тому, с каким любопытством он озирался по сторонам. Фредрик заключил, что остальные приглашенные поедут следующим рейсом, чтобы попасть к самому началу дегустации. Сам он выбрался заблаговременно, рассчитывая сперва прогуляться по острову. Послушать пение птиц. Полюбоваться ракушками на берегу. Насладиться ароматом свежей листвы. Очистить мозг от остатков зимнего шлака.

Паром дал задний ход и развернулся курсом на Большой остров.

Опираясь спиной о рулевую рубку, Фредрик Дрюм размышлял о самом себе. Кое-кто полагал, что худощавое мальчишеское лицо не очень подходило мужчине тридцати четырех лет. Если же присмотреться поближе, то в простодуш-

ных голубых глазах таилось жесткое, настороженное выражение, выдающее изрядный жизненный опыт и энергию. Но это вовсе не исключало юмор и шутку. Важнейшим оружием Фредрика Дрюма был смех. Он выручал его во многих трудных положениях, которых к тридцати четырем годам набралось видимо-невидимо. Безмерное любопытство не раз увлекло за собой странные и малоприятные последствия. Пока что череду эксцентричных приключений венчала двухлетней давности трагическая история во Франции, где он, сам того не желая, способствовал страшной смерти семи человек. После чего веселый оптимист Фредрик Дрюм на много месяцев впал в глубокую депрессию. Теперь он наконец начал приходить в себя, медленно выбираться на свет из пучины мрака. Сейчас весна, и его ждет вино. Отборное вино.

Паром развил хорошую скорость. Еще несколько минут, и он причалит к Большому острову – заповедному оазису Ослофьорда.

Небольшая дегустация... В мозгу вновь и вновь возникали эти слова, но он решительно отбросил тягостные ассоциации. С Францией покончено. Облик красивой женщины – Женевьевы – почти совершенно стерся из его памяти. Почти.

Третий пассажир стоял на самом носу. У ног его на палубе лежала раскрытая сумка, и Фредрик рассмотрел принадлежности для фотографирования. Владелец сумки как будто наслаждался видами и не больно-то свежим запахом моря. Глаза его были устремлены вперед, однако время от времени

он оглядывался на Фредрика.

Фредрика по прозвищу Пилигрим. Правда, теперь его давно уже так не называли, но в прошлом, стоило ему ввязаться в какое-нибудь дело, привлекающее внимание газет, как тотчас возникало это прозвище. Он ненавидел его. Оно родилось много лет назад, во время разговора с одной кинозвездой, с которой затем у него был недолгий роман. Кинозвезда заявила одному всеядному репортеру дешевого еженедельника: *«Я нашла своего Пилигрима!»* Очень скоро эта находка перестала ее интересовать. У него же в сердце осталась рана. К ней позже добавилась более тяжелая, боль от которой еще не прошла. Он ненавидел Пилигрима. Иногда ненавидел также Фредрика Дрюма, однако не слишком сильно.

Внезапно он заметил, что стоящий на носу мужчина жестом подзывает его к себе. Фредрик нерешительно подчинился. Паром прошел уже половину пути до острова; за кормой хорошо было видно крепость Акерсхюс.

– Извините, – заговорил мужчина; ему было лет пятьдесят, и унылые, весьма унылые глаза придавали ему сходство с одним бывшим министром культуры. – Извините, можно спросить вас: эти крепостные пушки когда-нибудь стреляли по врагу? Дело в том, что я интересуюсь историей, но мало что знаю об истории Осло.

Он говорил быстро, горячо; произношение не позволяло отнести его к какой-либо определенной области страны.

– Пушки... – начал Фредрик и задумался. – По-моему, они вряд ли...

Вдруг он остановился и устремил взгляд налево.

Прямо на паром, который всего сотня метров отделяла от пристани на Большом острове, мчался быстроходный катер. Столкновение было неминуемо, тем не менее катер шел прежним курсом.

– Что за черт! – крикнул Фредрик и попятился, но владелец сумки, явно потерявший голову от испуга, схватил его за руку.

Штурман парома включил сирену, но отчаянный вой ее тут же оборвался. Все, что произошло дальше, заняло какие-то секунды. Однако глазам Фредрика Дрюма представилась, как в замедленном фильме, нереально близкая, грозная картина.

Перед самым столкновением с катера кто-то бросился в море, затем послышался грохот и треск. Крутая остановка отбросила Фредрика спиной на перила; одновременно схватившие его руку пальцы незнакомца разжались. Падая, Фредрик Дрюм успел заметить три вещи: в горле мужчины, который только что задал вопрос о крепостных пушках, торчал большой осколок твердого пластика, из правой руки его за борт упал шприц, и туда же последовала сумка с фотоаппаратом и прочим содержимым.

Все это запечатлелось в мозгу Фредрика перед тем, как над ним сомкнулись холодные волны фьорда.

Он лихорадочно заработал руками. Всплыл. Мотая головой, кашлял и отплевывался. Ух, до чего же холодно! Веки горели, и он несколько раз моргнул, чтобы лучше видеть. Паром и катер плавно качались на волнах перед ним. Они явно не получили серьезных повреждений. Фредрик Дрюм лег на спину и уставился в небо, как на киноэкран, проецируя на него драматические картины предшествующих секунд. Потом повернулся на живот, боднув при этом какой-то маленький предмет, плавающий рядом с ним. Что-то вроде куклы... Не раздумывая, схватил ее, сунул за пазуху и энергичным кролем одолел десятки метров, отделявшие его от острова.

На берегу его встретило множество людей. Горожане, которые на пристани ждали паром, насладившись за день солнечной погодой.

– Кажется, обошлось, – произнес чей-то голос.

– Чертов лихач, – возмутился другой. – Сажать таких надо.

– Лихача подняли на паром, – сообщил третий.

– Дайте полотенце бедняге, – возвала какая-то женщина.

Фредрик не успел сделать и пяти шагов по берегу, как на него навесили восемь полотенец. Улыбаясь, он говорил «спасибо» налево и направо. Отступил в лес, показывая жестами, что должен снять мокрую, дурно пахнущую одежду. И вот уже он один в окружении весенней пышной зелени.

Фредрик Дрюм сбросил всю одежду. При этом в траву зарылся, выпав из рубашки, какой-то странного вида косматый

комок. Тот самый, который он принял за куклу.

Фредрик тщательно вытерся всеми восемью полотенцами. После чего как следует выжал мокрую одежду. Попрыгал нагишом по кругу, словно фавн, и с удивлением отметил, что совсем не мерзнет. Теплый воздух успокоил его. Скептически понюхал свою одежду. Не очень приятный букет... Вся дегустация сорвется, если он явится в кафе в таком облачении. Стало быть, сегодня вечером для Фредрика Дрюма не будет никакой дегустации, не будет хороших вин. Покачивая головой, он принялся натягивать на себя сырые тряпки.

Фредрик задержался в окружении трав и кустарников. Столько зелени! Восхитительной зелени. Все оттенки – от темных острых листьев ландыша до желтоватых сережек березы. И запах – острый запах весенней земли. На ветку перед самым носом его опустилась лимонница и закачалась на ней, ничем не отличаясь от листьев. Образцовая мимикрия. Среди древесных крон над Фредриком беспорядочно перекликались дрозды.

Он сел на гнилой пень – пусть одежда еще подсохнет. Душа была охвачена радостными ожиданиями. Как бурно природа оживает! Какое кипение жизни! Как прекрасно все-все!

Все?

Фредрик рывком поднялся. *Осколок, вонзившийся в горло, наверно, убил того человека!* Сам Фредрик только упал за борт. И слава Богу. Он был избавлен от зрелища потоков крови.

От пристани внизу доносились крики и шум. Было слышно, как прибывают еще какие-то суда. Чей-то могучий голос поинтересовался, куда подевался пассажир, который упал в воду.

– Он в лесу выжимает одежду, – последовал ответ. «Кто бы знал, что я сейчас выжимаю», – подумал Фредрик, глядя на пробивающиеся сквозь листву солнечные лучи. Даже тени были зелеными. Он собрал вместе семь полотенец, восьмым обернул комок, похожий на куклу. И вышел на тропу, спускающуюся к пристани.

Рядом с пришвартованными к ней паромом и катером он увидел еще два катера – полицейский и «скорой помощи». На глазах у него санитары перенесли с парома на катер с красным крестом носилки, накрытые белой простыней. Тотчас «скорая помощь» взяла курс на Ратушный причал.

– Вот он! – воскликнула какая-то женщина, показывая на Фредрика.

Сразу все внимание обратилось на него, посыпались тысячи вопросов. Не говоря ни слова, Фредрик поспешил раздать полотенца, оставив себе то, в которое была завернута кукла. После чего, отрицательно мотая головой, протолкался через толпу к полицейскому катеру. Какой-то чин жестом предложил ему подняться на борт.

– Пассажир? – сухо справился полицейский.

Фредрик кивнул.

– Сейчас мы вернемся в город, но сперва есть несколько

вопросов.

Чин проводил его в каюту.

Всего полицейских было четверо. Двое расспрашивали штурмана и юнгу парома, третий стоял возле бледного прыщавого юнца, который сидел в углу, завернувшись в шерстяное одеяло. Четвертый, сопровождавший Фредрика, вооружился блокнотом и ручкой.

– Имя, фамилия, дата рождения!

– Хеннинг Хаугерюдсбротен, двадцать седьмого пятого пятьдесят второго, – выпалил Фредрик так, словно долго репетировал.

Полицейский записал ответ и попросил рассказать, что произошло.

Пока Фредрик Дрюм подробно излагал то, что считал нужным изложить, прыщавый юнец не сводил с него отнюдь не приветливый взгляд. Фредрик спрашивал себя, получит ли этот малый срок. Неумышленное убийство. Почему он с ходу врезался катером в паром? Не заметил его? Растерялся? Потерял управление из-за неисправности рулевого механизма? Фредрик поймал себя на том, что предпочитает последнюю версию. Тюрьма – не сахар для кого бы то ни было.

– Ладно, поехали, – скомандовал глава полицейского квартета.

Фредрик назвал вымышленным именем. Боялся, что в газетах снова появится Пилигрим. У скандальной прессы дурная привычка связывать вещи, которые отнюдь не следу-

ет совмещать. На всякий случай он указал адрес своего ресторана «Кастрюлька», чтобы полиция могла найти его, если понадобятся дополнительные сведения.

Меньше трех минут понадобилось полицейскому катеру, чтобы покрыть расстояние до города. Все это время шли оживленные переговоры по радио, и у пристани ожидали несколько полицейских машин и кучка любопытных зрителей. На предложение отвезти его домой Фредрик ответил решительным отказом.

Когда настал момент сходить на берег, прыщавый малый вырвался из хватки полицейского.

– Это был несчастный случай, слышите! Это вышло нечаянно! – закричал он.

Обернувшись, Фредрик увидел его глаза, горящие злобой. «Что это он так взбесился, – спросил себя Фредрик Дрюм. – Если несчастный случай, то нечего и бояться». Стремительно прошагав на берег, он опустился на скамейку перед южной стеной ратуши. Здесь было тихо, и солнце еще пригревало. Скоро одежда совсем высохнет и запах почти улетучится.

Несчастный случай, что поделаешь.

Не состоялся для него приятный вечер с хорошими винами и симпатичными собеседниками. Но не стоит особенно расстраиваться. Будут еще другие возможности, и за весной последует лето. Фредрику Дрюму нет причин жаловаться.

Несмотря на молодость, он пользовался славой одного из лучших в городе знатоков вин. Благодаря «Кастрюльке»

и популярности, которую приобрело это заведение. Несколько лет назад он вместе со своим товарищем – Тобом, Турбьерном Тиндердалом – открыл самый маленький и самый изысканный в городе ресторан, получивший название «Кастрюлька». Ресторан помещался на улице Фрогнер, и в зале было всего шесть столов. Здесь подавали восхитительные блюда: лучшие достижения норвежской кулинарии сочетались с утонченностью и изысками французской кухни. Отборные вина закупались у первейших виноделов Франции после тщательного тестирования Тобом и самим Фредриком. К каждому блюду – свое вино, придающее совершенство трапезе. Никто еще не уходил из ресторана неудовлетворенный. Желающие отобедать в «Кастрюльке» должны были заказывать стол за несколько недель. Просто зайти, рассчитывая на свободное место, было бесполезно. Во всем Осло только «Кастрюлька» была помечена двумя звездочками в путеводителе Мишлена. К тому же интерьер маленького зала создавал такое ощущение интимности и уюта, что ресторан привлекал не только любителей хорошей пищи. У «Кастрюльки» было свое лицо в лучшем смысле слова. В немалой степени благодаря стараниям Тоба с его развитым эстетическим чувством и умением создавать комфорт.

А еще в Тобе было что-то от философа. Глаза его за круглыми линзами очков загорались энтузиазмом, когда в свободные минуты они садились в углу за своим личным столиком и принимались обсуждать вопросы за пределами по-

вседневности. И он не скупился на мудрые сентенции, глубина которых восхищала Фредрика. Душа-человек, лучшего товарища и компаньона нельзя было пожелать себе.

Помогали им в зале и на кухне учащиеся кулинарной школы. В желающих поработать в «Кастрюльке» недостатка не было, и не только потому, что этот ресторан славился лучшей кухней в городе, – у Тоба и Фредрика было заведено делить чистую прибыль поровну между всеми, не проводя различий между владельцами и учениками. А с прибылью в последние годы все было в порядке.

Да, у Фредрика Дрюма не было причин жаловаться.

Солнце готовилось скрыться за современными строениями на пристани Акер, лучи его высекали искры из пластика переброшенной через оживленную улицу галереи. От пирса по соседству готовился отчалить «Тюриханс» – пассажирский катер, обслуживающий одну из местных линий. Фредрик вертел между пальцами вынутый из кармана кристалл.

Точно осколок бомбы... От столкновения с паромом пластиковый корпус того быстроходного катера где-то раскололся, и осколок со страшной скоростью полетел прямо в мужчину, который стоял рядом с Фредриком. Который сжимал его руку, ожидая ответа на свой вопрос: приходилось ли пушкам крепости Акерсхюс стрелять по врагу? Несвоевременный вопрос – секундой позже осколок вонзился в горло любознательного пассажира, навсегда лишив его возможно-

сти задавать какие-либо вопросы.

Лучи заходящего солнца преломлялись в призмах кристалла, рождая причудливые цветовые комбинации. Фредрик задумался. Сколько раз уже сталкивался он с загадочным явлением – как будто происходит какое-то общение между этой звездой и ним, между ней и окружением, словно кристалл улавливал вещи, которые сам он не воспринимал. Фредрик был совершенно уверен, что эта звезда спасла ему жизнь в одном из знаменитейших районов виноделия Южной Франции около двух лет назад. Ему нравились слова Тоба: *«В кристалле заключен ответ на древнюю загадку человечества – его истоки. Жаль, что никто не в состоянии понимать язык кристалла».*

Цвета сегодня были необычными, да иначе и быть не могло. На глазах у Фредрика произошел ужасный несчастный случай; видимо, это отразилось на чувствительном силовом поле, которое соединяло его с кристаллом. В этом поле не было ни субъекта, ни объекта, только «нечто». Цвета – отражение этого «нечто», и они никогда не лгут.

Одежда почти высохла. Возле Фредрика на скамейке лежало полотенце в зеленую крапинку с завернутым в него косматым предметом, похожим на куклу. Фредрик хотел было выбросить его в мусорный контейнер, но передумал. Почему бы не отнести находку домой и не рассмотреть как следует? Недаром ведь он таскал ее с собой до сих пор.

Фредрик Дрюм остановил такси.

Он жил в пансионате «Морган» на Парковой улице. Тихое, спокойное заведение с вполне приличным обслуживанием. Фредрик поселился там почти год назад – своего рода личный рекорд проживания в одной обители. Ибо у Фредрика Дрюма сложилась привычка переезжать из одного пансионата в другой. Тоб и другие друзья не раз жестоко критиковали эту черту его характера, считая, что так он никогда не обзаведется настоящим домом, где можно пустить корни и наслаждаться личной жизнью.

Корни? Дом? О чем это они? Для чего ему «дом»? У него нет корней. Ему живется не хуже, чем любому из них. Просто и удобно. Никаких материальных обязательств. Никаких земных благ. Разве что образовавшаяся со временем изрядная и увлекательная личная винотека, которую становилось все труднее возить за собой. Возможно, именно поэтому он так засиделся в «Моргане». Прежде он менял пансионаты в среднем каждые полгода, потому что, почти как закон, приблизительно через полгода хозяева и соседи становились чрезмерно близкими. Собственные привычки и образ жизни подчинялись рутине, отражающей общую для пансионата атмосферу. Он словно превращался в органическую часть некоего удручающего механизма. И Фредрик Дрюм торопился тут же сменить заведение.

Корни? Дом? Возможно, когда-нибудь. Не в самое ближайшее время. Пока же все это было в области смутных грез, летучих ощущений.

Войдя в пансионат, он зашагал по тихому коридору к своей комнате. Точнее, к комнатам: его номер состоял из маленькой гостиной и спальни. Гостиная выглядела как положено: большой светлый письменный стол с аккуратными стопками книг и бумаг, книжная полка, два мягких кресла и безликий круглый столик без скатерти. Вдоль стен – стеллажи с бутылками, коих на сегодняшний день было ровно триста сорок штук.

Фредрик Дрюм положил свернутое полотенце на круглый столик.

Насвистывая, принял душ, затем надел все чистое. В груди приятно щекотало, и он корчил потешные рожи перед зеркалом. Весна? И она тоже, но не только: скоро, через неделю-другую, ему предстоит отправиться в увлекательную экспедицию вместе с одним хорошим другом из Англии. Он был исполнен радостных ожиданий.

Вино? Почему бы не глотнуть доброго вина из собственных запасов? Что из того, что он не попал на дегустацию там, на Большом острове? Ну сидят там, нюхают, смакуют, выплевывают... Хотя вряд ли многие выплевывают доброе вино. Разве что парни из Государственной монополии. Если их пригласили.

Фредрик прошелся вдоль стеллажей. Вытащил тут одну бутылку, там другую. В конце концов остановил свой выбор на «Шато де Терт» 1975, вине пятого класса из района Марго. По мнению Фредрика, оценка этого замка в консерватив-

ном каталоге 1855 года была занижена. «Шато де Терт» следовало отнести ко второму классу.

Он налил себе полбокала и удобно устроился в мягком кресле.

Цвет – густой, коричневато-красный. Запах переспелых вишен и миндаля. С оттенком ванили? Мягкий, приятный, насыщенный вкус. Достаточно крепкое. Это вино может зреть еще не один год. Он выпил его маленькими глотками и снова наполнил бокал.

Тут взгляд его обратился на лежащее на столе перед ним свернутое сырое полотенце. Он подвинул его к себе и осторожно развернул. Показалась спина куклы, она лежала на животе. Старая, потрепанная, одежда сделана то ли из кожи, то ли из бересты. Не видно, чтобы сильно намокла в море. Фредрик перевернул куклу на спину – и ему вдруг стало холодно, волосы на затылке поднялись дыбом, от внезапной жуткой тишины перехватило дыхание.

Эту куклу он уже видел! Вернее, не куклу, а маленькую мумию ребенка, на фотографиях в археологических журналах. Датированные XVI веком мощи эскимосского младенца, найденные охотниками в Гренландии пятнадцать лет назад.

Откинувшись в кресле, Фредрик уставился на лежащий перед ним предмет, не веря своим глазам. Ужасная кукла. Гротескная копия. Придя в себя, он сообразил, что это все-таки именно кукла.

Длина – неполных тридцать сантиметров. Одет в смор-

ценные кожаные ползунки, волосатую кожаную курточку с капюшоном. Если у гренландской мумии были пустые глазницы, то эта кукла глядела на него словно живыми желтыми глазами, похожими на кошачьи. Черные ссохшиеся пальцы напоминали когти. Эту копию изготовил искусный мастер. На лице – будто высохшая, потрескавшаяся человеческая кожа; кожаному одеянию на вид была не одна сотня лет.

Губы Фредрика испустили долгий монотонный свистящий звук.

Полчаса, может быть, час, он просидел неподвижно, словно пришибленный. Вид этой куклы, копии пятисотлетней эскимосской мумии, хоть на кого произвел бы тяжкое впечатление. Он вспомнил собственную реакцию, когда впервые увидел фотографию подлинника. Такое не забывается. Изображение прочно запечатлелось в памяти. И физический контакт с объемной копией только усилил впечатление. Вот она перед ним, уставилась на него ледяными глазами. *Кто бы мог изготовить такое?*

Собравшись с духом, Фредрик Дрюм положил куклу на книжную полку вместе с полотенцем в зеленую крапинку. Потом допил вино и откупорил другую бутылку. На этот раз малоизвестное, но прекрасное вино «Шато Грас Дье» из Сент-Эмильона. Способное пробудить воспоминания, вытесняющие мысли о гротескной кукле. Так оно и вышло.

Ощущая тяжесть во всем теле и легкий туман в мозгу, Фредрик решил, что пора отправиться на боковую. Впере-

ди рабочие дни. Приятные трудовые будни в «Кастрюльке». День – на кухне, день – в зале. Они с Тобом чередовались в исполнении обязанностей. Меньше однообразия, больше выдумки. Результат – высоко ценимая посетителями атмосфера.

Перед тем как направиться в спальню, он поглядел на полку, где положил полотенце и куклу. Теперь она уже не лежала, а сидела, прислонясь спиной к стене.

2

Маленький эскимосик кланяется и исчезает, а Фредрик Дрюм выбирает «Джангл Кокк», «Блэк Гнат» и «Хуже норки»

Турбьерн Тиндердал тщательно протер очки, и на лунообразном лице его отразился живейший интерес. До открытия «Кастрюльки» оставался час, и друзья сидели у своего столика за винными стеллажами. На кухне ученик повара Вакрадайсан Викрамасингхе, сын иммигранта из Северной Индии, снимал последнюю пробу с совершенно особенного эстрагонового соуса.

– ...так что она лежала на поверхности моря, – продолжал Фредрик, – и поверь мне, Тоб, это *точная* копия вот этой эскимосской мумии. Вот, мощи младенца.

Фредрик Дрюм показал Тобу фотографию в археологическом журнале.

– Гм, – молвил Тоб, надевая очки. – Маленький охотник, который так и не стал охотником. Инуиты хоронили своих покойников во льду?

– Нет, – ответил Фредрик, – эскимосское племя инуитов сооружало каменные могильники. Покойника снабжали различными предметами, которые могли пригодиться ему в потустороннем мире. Эту мумию нашел в 1973 году один охот-

ник, обратив внимание на странное нагромождение камней под скалой. Отодвинув несколько плит, он увидел поразительно хорошо сохранившуюся женскую мумию. Дальнейшие исследования выявили, что в могильнике лежало несколько покойников, в том числе этот младенец. Карбонная датировка показала, что погребение состоялось около 1470 года.

Тоб продолжал внимательно рассматривать фотографию мумии.

– Красиво, – произнес он. – Крохотное лицо сохранило печать строптивости и гордой уверенности в себе. Как будто смерть не играет роли, словно пустым глазницам открыты заветная истина и сокровенный смысл Вселенной. Исчерпывающее понимание охотником природы, творящей его добычу. Глядя на эту мумию, невольно станешь размышлять о некой нераскрытой тайне.

– Нераскрытая тайна, – повторил за ним Фредрик. – Во всяком случае, остается тайной, как на волнах Ослофьорда могла очутиться такая кукла. А глаза, Тоб, ты бы видел эту картину: в пустые глазницы вставлены будто горящие желтым пламенем кошачьи глаза.

– Охотник слился с добычей, – загадочно молвил Тоб.

Фредрик задумался. Его поразительное знакомство с куклой можно было разделить на три фазы: трагический несчастный случай, в связи с которым он нашел ее, сильное впечатление, когда он в своей комнате, развернув полотен-

це, осознал, что она собой представляет, и наконец – картина на книжной полке, когда он вдруг увидел, что она уже не лежит, а сидит. Легкий хмель не позволил сразу сообразить, что произошло. Очень просто: тепло от батареи отопления быстро высушило кожаное одеяние, оно чуточку сузилось, и этого оказалось достаточно, чтобы кукла изменила положение. При этом глаза ее, казалось, совсем ожили. И взгляд их преследовал Фредрика даже во сне.

Тоб вышел на кухню, откликаясь на зов Вака.

Фредрик принялся рыться в бумагах, которые лежали на полке возле столика. Ему вдруг вспомнилось, как три с лишним года назад он работал над одной проблемой – толкованием древней рунической надписи, обнаруженной как раз в Гренландии. Его версия была высоко оценена специалистами.

Когда-то Фредрик Дрюм служил дешифровальщиком, получив специальное военное образование. С самого детства он страстно увлекался тайнописью и раскрытием кодов. В армии получил солидную подготовку, однако со временем ему наскучило заниматься расшифровкой военных кодов. Очень уж шаблонное занятие. Его манили более сложные задачи. После нескольких лет на филологическом факультете столичного университета он посчитал, что заложил основу, позволяющую взяться за разгадку секретов древних письменностей.

Начал он с хитроумного рисуночного письма майя. И вы-

нужден был отступить. Пока. Правда, поговаривали, будто исследователи без него справились с этой задачей, но Фредрик не очень-то верил в это. Образцы толкований, с которыми он смог познакомиться, выглядели неубедительно. Затем он основательно потрудился над дешифровкой линейного письма Б минойской культуры на Крите. Здесь он добился важных результатов, обеспечивших ему уважение криптологов и пиктологов. Правда, окончательные итоги еще не получили официального признания. Требовалось время, возможно годы, чтобы преодолеть инерцию, отличающую консервативную классическую археологию. Но Фредрик никуда не спешил, и работа с древними загадками доставляла ему удовольствие. Для него это было интереснейшее хобби, сочетающее отдых и умственную гимнастику. Оно отлично совмещалось с делами в «Кастрюльке» и любовью к добрым винам. Все вместе создавало ощущение полноты жизни.

Сейчас Фредрик отыскивал публикацию с рунической надписью, которая когда-то привлекла его внимание. Камень с рунами нашли между тремя пирамидками на макушке острова Кингитторсак у берегов Гренландии. Исследователи прочли начало надписи: *«Эрлинг Сигватсон и Бьярне Турдсон и Энриде Одеон сложили в субботу накануне Молебна эти пирамидки и...»* Конец остался нерасшифрованным. Фредрику захотелось выяснить: что же такое следовало после союза «и»? Главное содержание надписи ждало своего толкователя.

После трех месяцев напряженной работы, потребовавшей нового взгляда на рунический алфавит, Фредрик Дрюм добился вполне убедительного результата. Полный текст в его толковании выглядел так: *«Эрлинг Сигватсон и Бьярне Турдсон и Энриде Одеон сложили в субботу накануне Молебна эти пирамидки и вознесли молитву о защите от облаченного в кожу охотничьего бога скрелингов, который направлял дичь туда, куда было нужно скрелингам»*. Камень с надписью специалисты датировали примерно 1200 годом.

Ученые признали версию Фредрика Дрюма. *Скрелингами* норманны называли эскимосов.

Более поздние источники свидетельствовали, что охотничий бог эскимосов вызывал у норманнов уважение и страх. Когда папа Иннокентий в 1492 году возвел бенедиктинца Мартина Кнудссёна в епископы Гренландии, тот направил в Рим своеобразные донесения, начертанные изящными буквами на полированной моржовой кости. Епископ подробно описывал языческого бога, наделенного совершенно необъяснимой магической силой, превосходящей мощь норманнов. Еще он сообщил, что скрелинги, выходя на охоту, брали с собой некий тайный предмет, поддерживающий связь с этим грозным богом.

Более конкретно описывал охотничьего бога в донесении на родину португалец Жоао Вас Кортереаль, который в конце XV века по поручению короля Христиана I посетил Гренландию вместе с Дидриком Пиннингом и Хансом Поттхор-

стом: «Речь идет о могучей силе, которая влечет добычу к охотнику, уводя от нас, белых. Каждый скрелинг носит под аноракотом талисман на шнурке, скрученном из птичьих перьев, в виде маленькой куклы в кожаном одеянии, с желтыми светящимися кошачьими глазами» («Кодекс Реаль», Лиссабон, 1507).

Маленькая кукла в кожаном одеянии, с желтыми светящимися кошачьими глазами. Фредрик с растущим интересом перечитывал свои старые записи. Странно, очень, очень странно.

Подошли Вак и Тоб, чтобы показать меню; близилось время открытия «Кастрюльки».

– Далеко-далеко на севере, в стране, где обитает охотник. – Тоб добродушно толкнул в бок товарища. – Послушай, Фредрик, дивную поэзию Вака, из-под его пера вышла новая великая поэма!

Они рассмеялись, потом стали слушать декламацию Вакрадайсана:

– Паштет из печени диких голубей, с вымоченным в ликере изюмом и соком морошки. Лам а-ля Дрюм – жареная баранина с розмарином и миндалем, гарнир – фаршированные брусникой стручки бобов и жареный картофель. Филе сига слабого посола с эстрагоновым соусом, листьями крапивы и картофельным пюре. Фирменный щербет и пирожные. Норвежские блинчики, фламбированные ликером. Французские сыры. Рекомендуемые вина: «Шато Икем» 1981, «Шато

Монтроз» 1970, «Шато о Марбузе» 1975 и рислинг «Эрбахер Маркобрунн» 1976.

Фредрик наградил декламатора аплодисментами, и его друзья сели за стол.

Ресторан «Кастрюлька» вне сомнения пользовался популярностью благодаря прекрасно приготовленным оригинальным блюдам. К тому же порции были основательные. Они отказались от присущих «новой кухне» мини-блюд, когда на изящных тарелочках подавали, скажем, по одной раковой шейке в непонятном соусе, с цветочками по бокам. После такой трапезы ничто не мешало клиенту отправиться в ближайшую сосисочную, чтобы там наконец утолить свой голод. Иное дело «Кастрюлька». Здесь посетителя в самом деле ждало нечто новое. Лучшего качества. Полноценные, оригинальные блюда.

В этот вечер в ресторане царил дух весны. Подруга Тоба целый день занималась украшением зала изящными и эффектными композициями из скромных лесных цветочков. Скрытые динамики источали нежные звуки флейты.

– Завтра, – заметил То б, когда явились первые посетители, – ты принесешь свою таинственную куклу, чтобы мы тоже могли посмотреть на нее. К тому же у нас есть для нее свободное место вон там на стеллажах. Договорились?

– Договорились, – улыбнулся Фредрик.

Последний клиент покинул ресторан чуть раньше один-

надцати часов. Тоб откупорил бутылку «Шато Пюи Дюкасс» 1978 и насладился ароматом. Потом взял оставленную кем-то из посетителей газету и сел на маленький столик. Большие заголовки на первой полосе привлекли его взгляд.

– Фредрик! – позвал он. – Ты видел это?

Фредрик присоединился к нему.

– «Смертельное столкновение», – начал Тоб. И продолжал: – «Ужасный несчастный случай произошел вчера под вечер, когда паром на пути к Большому острову столкнулся с быстроходным катером. Один пассажир был мгновенно убит осколком пластика, который откололся от корпуса катера. Осколок вонзился в шею и перерезал артерию, пищевод и дыхательное горло. Другой пассажир упал за борт, но благополучно доплыл до Большого острова».

Подошел Вак и тоже сел, качая головой и улыбаясь Фредрику.

– Хорошо, что меня там не было, – сказал он. – Я совсем не умею плавать.

Тоб стал читать дальше:

– «Пятидесятидвухлетний Таралд Томсен из Гоксюнда, холостяк, скончался через несколько секунд после страшного столкновения. Оба судна пострадали незначительно и остались на плаву. Молодой человек, который вел катер, сообщил полиции, что у него заклинило руль и в последний момент забарахлил мотор. Полиция сообщает, что у нее нет оснований подвергать сомнению его показания. Однако на вся-

кий случай будет произведена техническая экспертиза катера. Паром после допроса штурмана и юнги возобновил свои рейсы между городом и Большим островом».

– Таралд Томсен из Гоксюнда, – пробормотал Фредрик. – Его интересовало, доводилось ли пушкам крепости Акерсхюс стрелять по врагу.

Они выпили по несколько глотков «Пюи Дюкасс».

– Из Гоксюнда, – повторил Фредрик.

Он сидел в мягком кресле в своей комнате в пансионате. Сидел с закрытыми глазами. Время за полночь, но он не ощущал усталости. Фредрик восстанавливал в памяти картины, промелькнувшие перед его взором в те драматические мгновения, когда его выбросило за борт. *Из шеи пассажира торчал серый осколок пластика, пальцы правой руки разжались, и в море упал шприц, за которым последовала сумка с фотоаппаратурой.*

Может быть, кукла лежала в этой сумке? Вполне вероятно. В таком случае кукла принадлежала Таралду Томсену из Гоксюнда. Туристу из Гоксюнда.

Открыв глаза, он встретил взгляд желтых кошачьих глаз. Встал, подошел к книжной полке, осторожно взял в руки куклу. Понюхал. Пахло кожей. Старой кожей. Присмотрелся к лицу, маленькому детскому лицу под капюшоном анорака. Что за материал? Можно и впрямь подумать, что перед ним мумия с древней, ссохшейся кожей. Поскреб ног-

тем лоб, отделил маленькую чешуйку. Снова понюхал. Пахло смолой. Острый, едкий запах. Крохотные кисти – черные, бесформенные, похожие на когти. Если не знать, что настоящая мумия, знакомая ему по многим фотографиям, почти вдвое больше, недолго и засомневаться. Допуская, что в руках у него подлинная мумия, похищенная со стенда Краеведческого музея Гренландии. И снабженная этими дьявольскими глазами.

Фредрик Дрюм вернул куклу на место и с тяжелым вздохом снова сел в кресло. Укрощая воображение, повернулся вместе с креслом спиной к книжной полке.

Скоро лето. Фредрик улыбнулся. Его ожидало увлекательное приключение, заманчивая загадка. Загадка помещалась в трехстах километрах к северу от Осло – точнее, в губернии Хедмарк, в уединенной маленькой долине, известной под названием Рёдален. На исходе осени прошлого года здесь была сделана сенсационная археологическая находка: в связи с прокладкой осушительных канав совершенно случайно обнаружили три «болотных трупа», подобных которым прежде в Норвегии не находили.

Вместе с трупами лежали отдельные предметы, в том числе с надписями, исполненными иероглифическими знаками. Что также явилось сенсацией. Место находки тотчас объявили заповедным и, поскольку близилась зима, решили ничего не трогать до следующего лета; когда будет проведено тщательное исследование, трупы извлекут из земли и отправят

в лаборатории для дальнейшего изучения. Фредрик Дрюм получил письмо с приглашением приехать и ознакомиться с сопутствующими предметами; может быть, ему удастся расшифровать кое-что из надписей.

До выезда на место оставались считанные недели. Фредрик решил провести там весь отпуск и пригласил для компании своего английского друга Стивена Прэтта, археолога и страстного рыболова, которому представлялась возможность убить двух зайцев. Фредрик слышал, что Рёдален – настоящий рай для рыболовов. Стивен с восторгом принял его приглашение. И Фредрик уже заказал для них номера в гостинице «Савален».

Ложась спать, Фредрик Дрюм продолжал думать о радостях, которые сулило предстоящее лето.

Кончился морозящий дождик, выглянуло солнце. Стоя почти в центре площади Стурторгет, Фредрик смотрел на шпиль кафедрального собора.

Он чихнул.

Три полиэтиленовые сумки, стоящие у его ног, были наполнены зеленью, припасенной для вечернего меню в «Кастрюльке». Шпиль кафедрального собора... Ну да, вот она – мысль, которая не выходит у него из головы: *мысль о шприце в правой руке злосчастливого пассажира.*

Почему он сжимал в руке шприц? Он все время держал его так, это ясно. Фредрик сразу увидел бы шприц, если бы

пассажир достал его из сумки и приготовил для укола. Спрашивать о крепостных пушках, держа наготове шприц? Он был наркоман? Или диабетик? Опасался приступа аллергии на море. Или?..

Фредрик не страдал отсутствием воображения, и он быстро взвесил все варианты. Ни один из них не выглядел убедительным.

Оторвав взгляд от церковного шпиля, он поднял сумки и решительно направился к телефонам-автоматам за газетным киоском. Ему пришла на ум одна идея.

Он полистал телефонный справочник. Отыскал город Драммен, номер нужного ему китайского ресторана. Фредрик был знаком с китайцем Ионом Ву, национальная кухня которого пользовалась в Драммене большим успехом.

На том конце провода трубку взял какой-то соотечественник владельца ресторана, и Фредрик попросил соединить его с Ионом Ву.

– Китайские блюда, круглосуточное быстрое обслуживание, чем могу быть полезен?

Фредрик усмехнулся про себя, узнав торопливый учтивый голос.

– Привет, Ву, – сказал он. – Это Фредрик Дрюм. Как там в Драммене – прибавилось китайцев?

– Кого я слышу – Фредрик? Вин маловато, да, маловато, но мы работаем, стараемся, днем и ночью, вермишель и побеги бамбука, только успевай подавать, здешние люди зна-

ют толк в хорошей пище. Когда я тебя увижу? Помнишь – нас с тобой ждет пекинская утка. Семнадцать блюд из одной утки. И вино найдется. Китайское вино.

– Большое спасибо, Ву, как-нибудь приеду. – Фредрик прокашлялся. – У меня к тебе вопрос совсем из другой области. Ты ведь в Драммене скоро двадцать лет обитаешь, должен знать чуть не всех жителей округи. Случайно не встречал некоего Таралда Томсена из Гоксюнда? Мужчина лет пятидесяти.

– Как же, как же, Таралд Томсен, – живо отозвался китаец. – Таралд Томсен, бедняга, погиб, погиб на пароме в Осло, к счастью.

– К счастью? – повысил голос Фредрик.

– Да-да, именно к счастью. К счастью для Таралда Томсена. Он был болен. Очень болен. Рак. С каждым днем все хуже и хуже. Я говорил: ешь побег бамбука, много свежих побегов, может быть, поправишься, я говорил «может быть», только «может быть». Мой дедушка Ву ел побег бамбука и прожил сто семь лет и не знал никакого рака...

Фредрик перебил его:

– Я был на том же пароме, Ву. Потому и спрашиваю. Сам знаешь, какой я любопытный...

В трубке раздался заливистый смех.

– Ах ты, Пилигрим, Пилигрим. Тебе все мало. Все хочешь знать. Ты уж пришли, пожалуйста, обратно деревянную досочку с древними письменами, которую получил от меня

давным-давно, мне она нужна.

– За расшифровкой дело не станет, старый плут. Думаешь, я не знаю, что ты сам их начертил? Ты давно разоблачен. А теперь скажи мне: что за человек был этот Таралд Томсен? Чем занимался?

– Да-да, по-моему, он занимался посылочной торговлей, частная фирма, дешевые часы, может быть, всякие брошки. А еще он увлекался историей, много забавного рассказывал мне про местную старину. Но у него были сильные боли, последнее время бедняга все время делал себе уколы, про историю уже не говорил.

Фредрик приумолк.

– Алло, Фредрик, ты слушаешь, слышал, что говорит Ву?

– Слышал, Ву, спасибо. Я узнал как раз то, что мне было нужно. Огромное спасибо, извини за беспокойство. Пока. – Фредрик повесил трубку.

Зайдя за кафедральный собор, он сел на краю фонтана. Его надежды оправдались. Этот китаец с Тайваня был в курсе происходящего в Гоксюнде. Загадка Таралда Томсена решена, шприц, зажатый в его руке, получил вполне естественное объяснение.

Фредрик улыбнулся. Представил себе хлопотуна Иона Ву, день и ночь отпускающего китайские блюда. Ему принадлежал не один ресторан в разных концах страны, и у него был поразительный талант предпринимателя. Правда, качество продуктов средненькое, и не все бамбуковые побеги были

одинаково зеленые. А его тайваньское вино – хуже змеиного яда. Фредрик поежился... Если бы не скверное вино, он вполне мог бы отправиться в Драммен, чтобы отведать семнадцать блюд из пекинской утки. Но сейчас ему хватало дел в собственном ресторане. Сегодня его очередь составлять меню и закладывать основы кулинарного вечера в «Кастрюльке».

Фредрик Дрюм посадил куклу на полку, о которой говорил То б. Она отлично смотрелась там; казалось, ее желтые глаза следят за всем, что происходит в ресторане. К оригинальному облику «Кастрюльки» добавился еще один штрих.

В разгар приготовления сложного зеленого паштета Фредрик услышал, как кто-то легонько постучался в одно из окон, обращенных на улицу. Он подошел к окну, но сквозь цветное стекло сумел рассмотреть лишь какой-то смутный силуэт. Направился к двери, с любопытством выглянул наружу. По улице решительно вышагивала молодая женщина в легком синем платье. Она не обернулась. Покачивая головой, Фредрик вернулся на кухню.

Полчаса спустя до него донеслись какие-то звуки из зала. Для Тоба и Вака – слишком рано; он отложил нож.

В зале стояла она. Женщина в синем. Стояла у двери, пытливо осматривая помещение. Лет двадцати с небольшим, стройная, красивая строгой благородной красой. Избалованная, чуть высокомерная; Фредрик мысленно отругал себя за

то, что забыл запереть дверь, когда выглядывал на улицу.

– Закрыто. У нас закрыто, – произнес он грубовато. Женщина – или девушка – никак не реагировала.

Отвернувшись от него, принялась рассматривать картину живописца Хансена-Круне.

– Мы откроемся только через три часа. – Фредрик повысил голос: – К тому же у нас система предварительных заказов, и все столы заняты до середины июня.

– Вот как, – равнодушно произнесла женщина. Слегка опешив, Фредрик обошел вокруг стола на четыре персоны, смахнул со скатерти несуществующую пылинку. Что за глупости? Почему бы ей не выйти, чтобы он мог запереть? Этак половина прохожих с улицы Фрогнер заявятся в его зал, чтобы полюбоваться Хансеном-Круне! Он сердито прокашлялся три раза. Никакого эффекта.

Наконец она повернулась нарочито медленно и улыбнулась ему.

– Пилигрим, – произнесла незнакомка. – Вот, значит, где теперь пребывает Пилигрим.

– Ну, – вымолвил Фредрик, поправляя салфетку. Что у нее на уме? Он не привык к тому, чтобы с улицы вдруг являлись поклонницы, чтобы обозреть его интерьер.

– Я сейчас занят, но если хотите что-то узнать... – Он остановился, ожидая какого-то хода с ее стороны.

– Возможно, – последовал неопределенный ответ. Фредрик начал уже сердиться. Во-первых, он не любил, чтобы его

называли «Пилигримом». Во-вторых, в-третьих и в-четвертых, пора бы ей убираться, хоть она и красавица.

– Ну так выкладывайте, я не могу стоять здесь вечно. Мои соусы подгорят.

– Соусы подгорят, – рассмеялась она. – Кто не дает вам сходить на кухню и помешать их?

Ее слова сопровождались соответствующим жестом.

Ну и нахалка! *Ему* уходить на кухню, оставив ее, совершенно чужого человека, стоять здесь одной? В зале, украшенном ценными предметами искусства. Он уже приготовился высказать, что о ней думает, но не успел и рта раскрыть, как незнакомка элегантно выпорхнула за дверь.

Фредрик растерянно смотрел ей вслед, ощущая нежный запах каких-то духов. Серdito прошагал к двери и запер ее на замок. Что за вздор! Если бы еще ее привело сюда какое-то *дело*. Но она ни о чем не спросила. Только отметила, что *Пилигрим* пребывает здесь, и предложила ему помешать свои соусы! Что *она* понимает в соусах...

Давая выход своим чувствам, Фредрик Дрюм принялся обрабатывать филе оленины, которое почти неделю выдерживал в особом маринаде.

– Взгляд обращен столько же внутрь, сколько вовне, – философически заметил Тоб.

Сидя за столиком, он и Вак любовались диковинной куклой.

– Глаза, как у тигра, – заключил Вак. – Только поменьше.

– Фредрик Немыслимый вновь отличился, – продолжал Тоб. – Поразительно, как он ухитряется непременно во что-нибудь впутаться. Садится безо всякой задней мысли на самый обычный паром пригородного сообщения – и, конечно же, не обходится без столкновения. И не какого-нибудь заурядного столкновения, а весьма таинственного, в результате которого невесть откуда появляется редкостная кукла. Тысячи людей десятки лет пользуются этим паромом – и никаких происшествий, пока на борт не поднимается Фредрик Дрюм. Философы называют это вероятностью случайных событий.

– Старая, – заметил Вак.

– Выглядит старой, – уточнил Тоб. – Новые тряпки вполне могут составить старый сюртук. Зависит от портного.

Фредрик показал им рукописное меню и прочитал вслух:

– Фламбированные мозговые косточки в сметанном соусе с укропом и фенхелем, с ломтиками черного хлеба. Выдержанные в уксусе соленые киви, с шейками лангуста в андоррском майонезе. Олень жаркое Хакк а-ля Вак – мясные кубики из маринованного филе, с зеленым паштетом, сладким кайенским соусом и картофельными шариками, посыпанными зеленым сыром. Скумбриевые тефтели с шафраном под тонкими ломтями фламбированного палтуса и перечной мятой, с фирменным соусом и картофелем. Щербет, фруктовые пирожные. Рекомендуются вина: «Шато Кирван» 1978,

«Шато Петрус» 1981, «Блэк Лэйбл Корона» 1975 и рислинг «Хоххеймер Хёлле» 1978.

Тоб и Вак аплодировали Фредрику.

– Что делается – то Лам а-ля Дрюм, то Хакк а-ля Вак, того гляди появится Гюбб а-ля Тоб, – рассмеялся Тоб.

– Гюбб? – недоумевающе произнес Вак.

– Гюбб, – объяснил Фредрик, – исконное название особого сыра из Эстердалена.

Вскоре все места за шестью столами «Кастрюльки» были заняты, только успевай обслуживать.

Время близилось к половине двенадцатого; в гнетущей тишине они сидели втроем у своего столика. В этот вечер произошло событие, которое казалось им невероятным. Но факт оставался фактом.

Кукла исчезла с полки.

Ее украли у них перед носом. Кто-то из полутора десятков посетителей оказался вором.

– Я видел ее без четверти десять, – произнес Вак. – Точно помню, потому что кукла будто кивнула мне – чуть наклонила голову и снова подняла.

– Сжатие старой кожи, – заключил Тоб.

– Без четверти десять, – задумчиво сказал Фредрик. – Английская супружеская пара уже ушла. Остается тринадцать человек.

Они отыскивали список заказов на прошедший вечер. Вакрадайсан принялся читать вслух, сопровождая чтение ком-

ментариями:

– *Маркгорд*. Супружеская пара, обоим около пятидесяти. Диспонент *Винг*. Четверка молодых коммерсантов. *Стрессонд*. Супруги с дочерью лет десяти. *Гобсон*. Англичане, которые ушли около половины десятого. *Хартманн* и *Нурдли* с подружками, итого четверо, выпили много вина. Все.

Фредрик внимательно изучил список. Все заказы приняты несколько недель назад. Стало быть, у вора не было заранее задумано украсть куклу. Идея родилась вдруг.

– Вот так, – заметил Тоб. – Маленький эскимос кланяется и исчезает. И ничего с этим не поделаешь. Надеюсь, ему будет хорошо на новом месте.

– Его можно было взять по пути в туалет, – предположил Вак. – Дверь туалета – в нескольких шагах от полки.

– Возможно, возможно, – пробормотал Фредрик. – Все равно неслыханная наглость.

На этом обсуждение закончилось. Больше нечего было сказать.

Пятница, третья майская неделя. Граждане Осло прочистили мозги после празднования Дня конституции. Пляжи вдоль фьорда забиты людьми; такой теплой весны давно не было. Бесподобный май обещал войти в метеорологическую историю благодаря на редкость устойчивому антициклону. «Хоть бы еще продержался», – говорил себе Фредрик. Со всем недолго оставалось до того дня, когда он вместе со Сти-

венном Прэттом поедет отдыхать в губернию Хедмарк.

Сегодня у Фредрика был выходной, однако он зашел в «Кастрюльку», чтобы посмотреть кое-какие хранившиеся там записи. Речь шла об одной из древних культур Северной Сибири со своей особой письменностью, графически напоминающей то ли китайское, то ли монгольское письмо. Фредрик намеревался основательно подготовиться к предстоящему отпуску.

Утро, в ресторане никого, кроме него. Сидеть и читать в прохладном зале – сплошное удовольствие.

Вдруг зазвонил телефон.

Фредрик взял трубку, приготовился писать.

– Добрый день, я по поводу заказа, – произнес мужской голос.

– Понятно, – ответил Фредрик. – У нас освобождаются места в четверг двадцать девятого мая. До тех пор все занято.

– Что ж, согласен, – отозвался мужчина. – Мы с женой столько слышали о вашем ресторане, и раз уж тогда не вышло...

– Сколько человек? – Фредрику не терпелось вернуться к своим заметкам о сибирской письменности.

– Только мы с женой.

– Фамилия?

– Маркгорд, – последовал ответ.

Фредрик записал фамилию; время – семь вечера.

Маркгорд. Фредрик круто остановился на пути к своему

столику. Что-то знакомое... В тот день, когда исчезла кукла. Он полистал книгу заказов. Точно, черт побери! В тот вечер ресторан посетила супружеская пара Маркгордов. И что это мужчина говорил, когда Фредрик перебил его? «...раз уж тогда не вышло...» Он отругал себя за то, что не дал человеку договорить.

Живо набросав для Тоба несколько слов на бумаге, он собрал свои заметки и вернул их на место на полке. Затем покинул ресторан.

Ерунда какая-то... Не бери в голову. Кукла есть кукла, мелкая кража есть мелкая кража. У него хватает радостей в жизни.

Вот только это любопытство. Очень уж Фредрик Дрюм любопытен.

Снаряжение. Необходимо запастись снаряжением для предстоящей поездки. Купить приличные рыболовные снасти, внушал ему Стивен Прэтт. Спиннинг и все такое прочее. Стивен – страстный рыболов. Сам Фредрик ни разу не окунал в воду рыболовный крючок.

Он сел на трамвай и вышел около Национального театра. Взял на прицел спортивный магазин на Стортингской улице.

Приветливый продавец прекрасно разбирался в рыболовных снастях. Вскоре Фредрик уже выбрал себе удилище, катушку, различные виды лесы. Поводки и коробки. Сачок и болотные сапоги. На прилавке выросла целая гора. Просто

паразительно, сколько всякой всячины нужно для ловли рыбы спиннингом!

– Ну так, – сказал продавец. – Остается самое главное.

– Как же, как же, – растерянно отозвался Фредрик, тщетно пытаясь сообразить, о чем идет речь.

– Или ты, может, сам их делаешь?

– Кого? – выпалил Фредрик.

– Я о мушках – может быть, ты делаешь их сам? Мушки.

Ну конечно же. Фредрик усмехнулся своей несообразительности. Поспешил заверить продавца, что не делает мушек сам и что ему требуется хороший подбор.

– Хедмарк? Кажется, ты назвал озеро Савален? Сейчас посмотрим.

Продавец разложил на прилавке несколько коробочек.

Фредрик с восхищением разглядывал маленькие пестрые произведения искусства. Иные настолько малы, что еле видно крючок. И как только рыба на них может цепляться!

Продавец назвал целый ряд диковинных наименований, которые ничего не говорили Фредрику. В конце концов остановился на необходимом, по его мнению, подборе.

– «Джангл Кокк», – говорил он, показывая на коробочку. – Лучшая в мире универсальная мушка. Хороша для ловли форели. «Блэк Гнат» – для самой капризной форели. И наконец – «Хуже норки». Автор – знаменитый рыболов из района озера Фемюнд, Эрлинг Санд. Отличная приманка для тех мест, куда ты собираешься. Крючки номер двена-

дцать и четырнадцать.

Фредрик кивнул: разумеется. Взял по пять рекомендованных продавцом мушек. И еще несколько покрасивее. Не сомневаясь, что форель в Рёдалене равнодушна к пестрым изделиям.

Он основательно нагрузился, так что пришлось взять такси до пансионата. Там он сложил свою добычу в угол. После чего сел в кресло, обложившись изданиями, в которых шла речь об известных находках болотных трупов в разных странах Европы.

Шел двенадцатый час, когда Фредрик решил, что не мешает позвонить в «Кастрюльку». Трубку взял ученик, который передал ее Тобу.

– Записку прочел? – спросил Фредрик.

После некоторой паузы последовал ответ:

– Старый пласт земли оборачивается и становится новым. Новый пласт оборачивается, становится старым. Такова жизнь крестьянского поля.

– Вот именно, – оценил Фредрик глубину высказывания друга.

Затем Тоб рассказал, что он позвонил господину Маркгорду, чтобы получить подтверждение заказа. Выяснилось, что это тот самый Маркгорд, который заказывал стол на тот вечер, когда исчезла кукла. Однако по пути в ресторан, можно сказать, у самых дверей его и жену остановила другая супружеская пара. Они назвались американцами и предложи-

ли Маркгорду пятьсот крон отступных, дескать, им завтра лететь в США, и будет чрезвычайно обидно, если они не смогут посетить знаменитый ресторанчик «Кастрюлька». Маркгорды ответили согласием и даже отказались взять деньги. Они жили по соседству, для них не составляло проблемы попасть в «Кастрюльку». Вот так.

Вот так.

Положив трубку, Фредрик отправился в ванную и выпил подряд три стакана воды.

3

Он видит тень в ночи, расшифровывает маленький личный код и наслаждается изысканным вином

По субботам и воскресеньям ресторан «Кастрюлька» не работал, и эту субботу Фредрик Дрюм решил провести в одном из идиллических загородных уголков – там, где река Акер, вытекая из озера Маридал, первые сотни метров тихо извивалась между зелеными лужайками, чтобы затем мчаться вниз по перекатам. Любимое место отдыха столичных жителей.

Фредрик взял с собой плед, полотенца, сыр разного сорта, немного фруктов и бутылочку обычного вина. Кроме того, несколько книг о культуре инуитов Гренландии и Лабрадора.

– Хакк а-ля Вак, Лам а-ля Дрюм, Гюбб а-ля Тоб, – весело приговаривал он, ожидая на остановке автобус номер восемнадцать.

Ритмическое сочетание слов въелось в память, само просилось на язык.

Антициклон не уступал своих позиций, и гидрометслужба сулила Южной Норвегии раннее наступление лета.

Загадка эскимосской куклы больше не занимала его. Станным было ее появление, таким же странным – исчезновение. Как сказал бы по этому поводу Тоб: «Многообразие

деталей бытия становится загадочным, когда любопытство упраздняет естественные границы». Слова, которые вполне годятся на роль меткой заключительной реплики в этом эпизоде.

К тому времени, когда автобус дошел до конечной остановки, Фредрик успел основательно вспотеть, и ему не терпелось освежиться в кристально чистой речной воде. Несколько минут спустя он уже плавал в тихих заводях Акера.

Отыскав уединенный уголок под деревом, кроной обращенным к югу зеленого склона, он расстелил свой плед и разложил в тени сыр, фрукты и вино. После чего раскрыл одну из книг и улегся на живот.

Однако мысли его обратились отнюдь не к хладным берегам Гренландии и Лабрадора. Он вспоминал Францию. Сент-Эмильон. Там Фредрик Дрюм познакомился с одной девушкой, красивой и незаурядной. На беду она чисто случайно оказалась замешанной в драме, связанной с его появлением в тех местах. И он не мог ничего поделать. Ее отравили. Теперь она лежала в больнице, ее мозг был поражен, и надежд на исцеление было мало. Месяцев семь тому назад, в ноябре прошлого года, он получил весточку от нее, красивую открытку. Со словами: *«Я помню тебя, Фредрик. Теперь хорошо помню. Ж. Б.»* Возможно, она сама написала эти слова. Возможно, ей помогли. Других вестей больше не было.

Он развернул сыр и откупорил вино. Большие куски фран-

цузского сыра бри хорошо сочетались с вином. Вот бы сейчас она была рядом... Лежала на пляже, улыбаясь зеленой листве. Он никогда не забудет улыбку Женевьевы.

Однако сентиментальное настроение держалось недолго. Искупавшись, он занял место в воротах на спортивной площадке по соседству, где гоняли мяч юные футболисты. Каждый гол сопровождался бурным мальчишеским ликованием.

Солнце склонилось к горизонту, и бутылка почти опустела. Книги прочитаны, сыр съеден. Чем бы таким занять сегодняшний вечер? Тоб уехал со своей подругой в Крагерэ, а больше некого быстро подбить на какую-нибудь затею. Стало быть, придется что-нибудь придумать в одиночку. Что именно – вот вопрос.

«Хакк а-ля Вак, Лам а-ля Дрюм, Гюбб а-ля Тоб», – вертелось у него в голове, когда он сел в автобус, чтобы вернуться в город. Вдруг его осенило: «Смюгет» – вот куда он направится сегодня вечером. Этот ресторанчик популярен среди молодежи. Глядишь, и потанцует с какой-нибудь красоткой.

Напевая, Фредрик побрился перед зеркалом в ванной, освежил лицо «Арамисом». После чего откупорил бутылку бургундского и погрузился в кресло.

– Пансионатское бытие, дружище Дрюм, – сказал он сам себе, – превосходный трамплин для вольного воображения. Стоит погаснуть какой-нибудь лампочке, как тут же ее заменяет невидимая рука.

В эту секунду погасла лампочка над конторкой.

Он нахмурился и подозрительно воззрился на мутный стеклянный пузырек. Ишь ты...

Налил себе вина и призадумался. Над силой своих мыслей, которая проявлялась иногда. Опасной силой. Пальцы его сами извлекли из кармана звездный кристалл. Фредрик поднес его к глазу и повернулся лицом к окну.

Какие необычные краски... Желтый цвет с ледяными синими переливами. Причем синие лучи вибрировали, то прибавляя, то убавляя интенсивность. И Фредрик Дрюм сразу понял: в ближайшем окружении что-то созревает. Что-то отнюдь не приятное.

Ни с того ни с сего он встал и остановился посередине комнаты. Внезапно в памяти всплыли слова стихотворения, которое попало ему много лет назад. Фредрик стал декламировать вслух:

Там, где синий холодный лед
И где день ждет охотника знак,
Там жестоким насилием гонят народ
Из долины, где вырастет злак.

Там, где мать, умирая, вскормила,
Там охотник клятву дает.
Детище голода, злая сила —
Месть над далями там грядет.

Полагали, что стихотворение написано эскимосом, чье

имя осталось неизвестным. Оно было записано в конце прошлого столетия одним датским этнологом. Фредрик прочел его в книге о мифах древних жителей Гренландии.

Он вновь опустился в кресло. Странно... Фредрик не отличался хорошей памятью, и у него совсем не было заведено декламировать стихи. Это стихотворение он вообще ни разу не вспоминал с тех пор, как прочитал впервые.

Он сделал добрый глоток бургундского. Сказал сам себе: «Подсознание – могучая сила». И ничего удивительного в том, что оно выдало забытое эскимосское сочинение теперь, когда голова занята эпизодом с куклой и приготовлениями к изучению культуры древних норманнов. Да, от подсознания никуда не уйдешь.

Но ведь и лампочка погасла. И кристалл испускает необычные лучи.

Перед входом в «Смюгет» стояла длинная очередь. Фредрик даже подумал – не махнуть ли рукой на эту затею. Но очередь подвигалась довольно быстро, и вскоре он уже вошел в гардероб.

В зале он облюбовал место за столиком в углу. Такая у него была привычка, в углу он чувствовал себя уютнее. Заказал «Божоле Торен».

Он наполовину управился с бутылкой, когда к столику подошел в сопровождении двух дам добродушный низкорослый бородач в очках и спросил, можно ли занять свободные места. Фредрик кивнул.

– Фредрик Дрюм, – представился он.

Конечно, представляться случайным сотрапезникам не модно, но ему был по душе старый обычай.

– Мария, – назвалась одна женщина.

– А я – Сульвор, – сказала другая.

– Бьёрн Леннарт, – поклонился бородач.

Поначалу разговор не клеился, зато вина, заметил себе Фредрик, было выпито изрядно. Как-то само собой он постепенно включился в беседу соседей по столу. Видимо, этому способствовал добродушный нрав бородача, который то и дело прямо обращался с какой-то репликой к Фредрику. И когда Бьёрн Леннарт выдал остроумный язвительный анализ творчества одного из самых популярных пишущих соотечественников, все четверо покатались со смеху, и Фредрик едва не опрокинул на колени Сульвор бутылку красного вина.

Вот так проходил этот вечер.

Фредрик Дрюм потанцевал с Сульвор, уроженкой губернии Трёнделаг, служащей в адвокатской фирме «Смоланд, Равн и Ламмадал». Однако чрезмерно громкая музыка раздражала его, и он предпочел приземлиться в занятом ими уголке.

– Как насчет Большого острова завтра? – спросила Сульвор Марию.

Та отрицательно мотнула головой.

– Не лежит у меня душа к этому парому. Между прочим, Бьёрн Леннарт знал того пассажира, который погиб там

несколько недель назад.

Фредрик наострил уши.

– Ты *знал* его? – обратился он к Бьёрну Леннарту.

– Ну да. Большой любитель приключений. Я мог бы весь вечер рассказывать о его похождениях. Но не люблю однообразия в беседе. Лучше выпьем!

Они чокнулись.

Без четверти час Фредрик встал из-за стола и попрощался. Его малость покачивало, но он был очень доволен тем, как провел этот вечер. Расслабился, в голове приятный легкий шум.

Покинув ресторан, пошел через Дворцовый парк домой. Светлая майская ночь... Возле пруда за дворцом несколько голосистых чаек повздорили из-за полиэтиленового мешочка. В это время года птицы и ночью гомонили.

Он посидел на скамейке; теплый чистый воздух освежил его. Через несколько дней он насладится еще более чистым и свежим воздухом... Вместе со Стивеном Прэттом будет жить в гостинице «Савален».

Возле ног на земле лежало что-то красное. Фредрик рассеянно поднял лопнувший воздушный шарик, натянул резину на указательный палец.

Подойдя к пансионату, он заметил, как за кусты сирени скользнула какая-то тень. Постоял, присматриваясь. Ничего. Решил, что тень принадлежала стоявшему у окна обитателю пансионата.

Войдя в дом, проследовал по тихому коридору к двери своего номера. Открыв ее, уловил какой-то странный запах. Пахло паленым. Он осмотрелся, но не увидел ничего необычного. Никакие электрические приборы не включены. Окно было приоткрыто; видимо, запах шел с улицы. Фредрик подошел к конторке. Интересно – невидимая рука, вездесущий дух пансионата сменил лампочку?

Он нажал выключатель, навстречу ему взметнулся сноп синих искр, и Фредрик Дрюм грохнулся на пол.

Придя в себя, он ощутил дикую головную боль; правая рука горела. Противно пахло паленой резиной, и он уставился на указательный палец, который жгло особенно сильно. Палец был красный, на кончике вздулись пузыри. И болтался клочок горелой резины.

Воздушный шарик. Лопнувший шарик, подобранный им в парке. Кажется, он натянул резину на указательный палец. Тот самый, которым нажал кнопку выключателя. Покушение. Кто-то замыслил убить его.

С трудом поднявшись на ноги, он проковылял в ванную. Принял четыре таблетки паралгина и выпил три стакана воды. Потом еще два. Тут же его вырвало; в унитаз ударила розовая струя. Красное вино, вода и желчь. Он кашлял, блевал и плевался. Очистив желудок, сел на крышку унитаза, подперев ладонями голову.

Он просидел так полчаса.

Потом принял еще несколько таблеток и запил двумя стаканами воды. На этот раз его не вырвало. Сорвал остатки шарика с пальца, намазал мазью ожог. Кое-как забинтовал палец. Кожа горела, вся рука отекала, но головная боль прошла, слава богу. Было почти половина третьего, когда Фредрик опустился в кресло, очухавшись настолько, что смог внимательно обозреть комнату. В ней побывали незваные гости.

Типичный случай дурацкого везения. Не подбери Фредрик Дрюм тот шарик, не натяни его на палец, был бы наверняка теперь покойником. Прямо хоть начинай верить в некую охраняющую его всевидящую и всемогущую силу. Не будь у Фредрика *привычки* подбирать лопнувшие шарики. Только за последний месяц он мог припомнить три таких случая. Что-то было такое в эластичной мягкой резине, чем она его привлекала.

Номер Фредрика Дрюма помещался на первом этаже пансионата. Окно осталось приоткрытым. Поставил ящик на землю под окном – и влезай. Он выглянул наружу, но никаких следов не обнаружил. Тем не менее в комнате кто-то побывал. Кто-то разбирающийся в электричестве.

Сам Фредрик мало что смыслил в контактах и вольтах. Если не считать того, что, как большинство мальчишек, проверял на себе таинственные свойства электричества. Любопытного исследователя ударило током. Безопасные опыты, от которых экспериментатор дергался, но искры из него не сыпались. А вообще, могут штепселя и выключатели убить

неосторожного человека? Фредрик сомневался в этом.

Стараясь ничего не касаться, он принялся исследовать настольную лампу. И вдруг увидел тонкий проводок, который от лампы тянулся вниз и вдоль плинтуса к книжной полке, где стоял маленький переносной телевизор. Фредрик развернул аппарат: так и есть, провод нырял под плохо закрепленную заднюю крышку.

Все ясно. Фредрик Дрюм кивнул.

Кто не знает, что в телевизоре очень высокое напряжение, что неспециалистам опасно копаться в схеме? Смертельно опасно. Итак, выключатель соединен с телевизором. Тут потрудился специалист.

Фредрик оценил гениальность автора западни. Если бы его убило током, убийца запросто мог через несколько часов – например, сейчас – снова забраться в комнату через окно и убрать провод, чтобы не оставалось никаких улик. История знает случаи, когда человек погибал, что называется, от самовозгорания, без видимых причин. И Фредрик не явил бы исключения.

Убийца начеку. Возможно, в эту самую минуту прячется в кустах, готовясь убедиться, чем все кончилось.

Убийца!

У Фредрика побежали мурашки по спине. Страх, какого он уже два года не испытывал, овладел им и не желал отступить. Абсурд. Полнейший абсурд! «Остановись, Фредрик», – сказал он себе.

Он устал – устал безмерно. В голове все путалось. Спать...

Он запер дверь, затворил окно, проверил все запоры и крючки. Потом взял себя в руки и почистил зубы перед тем, как нырнуть под одеяло.

Стук в дверь. Фредрик протер глаза и поглядел на часы. Час дня без нескольких минут. Кое-как встал и добрел до двери.

– Да? – вымолвил сонным голосом.

– Я хотела только спросить, будет ли господин Дрюм сегодня обедать здесь, в пансионате?

Хозяйка. Каждое воскресенье один и тот же вопрос.

– Нет, – ответил он.

– Спасибо. – Шаги просеменили к следующей двери. Он принял душ, привел себя в порядок, избегая смотреться в зеркало. Боялся, что собственный взгляд задаст вопрос, на который он не в состоянии ответить. Съел яблоко, несколько крекеров и вышел из пансионата.

Очутившись на улице, побрел наугад в северо-западном направлении. Остановился перед входом в какую-то картинную галерею, но не разобрал даже толком, чьи картины там выставлены. Спустя некоторое время сообразил, что приближается к парку Фрогнер. Вошел в парк через главный вход и проследовал к скульптуре «Монолит». Сел на скамейку, прислонясь спиной к сглаженному рукой ваятеля граниту.

Четыре вопроса не давали ему покоя.

1. Кто украл куклу в «Кастрюльке»? 2. Ка к воры узна-

ли, что кукла находится у него? 3. Зачем кому-то понадобилось убить его током? 4. Есть ли связь между двумя первыми вопросами и третьим?

Кукла, судя по всему, принадлежала смертельно больному Таралду Томсену. Она всплыла, когда сумка Томсена упала в море. Фредрик ткнулся в нее головой, схватил и засунул под рубашку. *Кто мог это видеть?* Может быть, парень с быстроходного катера, который тоже барахтался в воде. Может быть, штурман парома или юнга. Однако скорее всего кто-то стоявший в толпе на пристани, ожидая парома. Когда Фредрик схватил куклу, не так уж много метров отделяло его от берега.

В таком случае Таралда Томсена ждал на острове кто-то знакомый. Вполне вероятно и нисколько не подозрительно. Итак, Некто видел, как Фредрик Дрюм подобрал куклу в море и унес ее с собой. Дальше: этот Некто знал, кто такой Фредрик Дрюм, где он работает. Полицейским Фредрик сказал, что работает в «Кастрюльке». Это слышали штурман парома, юнга, парень со скоростного катера и четверо чинов столичной полиции. Но Некто мог опознать Фредрика Дрюма, стоя на пристани. Как-никак в газетах нередко появлялись его фотографии.

Налицо удовлетворительный ответ на вопрос номер два.

Хуже обстоит дело с первым вопросом. Тут у него была только одна зацепка – мнимые супруги Маркгорд. Анонимная чета, возраст – около пятидесяти; столько же лет было

Таралду Томсену. Говорили по-английски с американским акцентом, по словам настоящих супругов Маркгорд. Как они выглядели, ничего определенного сказать не могли ни Тоб, ни Вак, ни сам Фредрик. В часы работы ресторана, когда хлопот полон рот, на внешность посетителей особенного внимания не обращаешь. Все мысли – о блюдах, вине, сервировке. Появись в эту минуту американская чета здесь в парке, перед «Монолитом», Фредрик вряд ли узнал бы ее. И ничего тут не поделаешь, увы.

Надо же, как он сглупил вчера вечером в «Смюгет», не расспросил этого симпатягу Бьёрна Леннарта о Таралде Томсене. Он ведь знал его. Назвал большим любителем приключений, мог бы весь вечер рассказывать о его похождениях. Фредрик дорого дал бы за то, чтобы сейчас послушать эти рассказы.

Бьёрн Леннарт называл свою фамилию? Сколько ни напрягал память Фредрик, вчерашний вечер в «Смюгет» был словно окутан туманом. Во многом из-за того, что случилось потом.

Девушка в синем платье! Он совсем забыл девушку в синем! Таинственное создание, которое сперва постучало в окно, побудив его отпереть дверь. Что ей, собственно, было нужно? Она осмотрела зал, упомянула его прозвище. Долго изучала картину Хансена Круне. Но видела ли она куклу? Может, она ее искала? «Возможно, Фредрик, возможно», – пробормотал он про себя.

Продолжая размышлять обо всем происшедшем, он поймал себя на том, что настроение его явно улучшается. Фредрик Дрюм не был склонен к ипохондрии, как бы ни сгущались тучи над ним.

Вопрос номер один оставался пока без ответа.

Третий вопрос носил особый оттенок, отдающий, на взгляд Фредрика, полным абсурдом. С какой стати кому-то понадобилось убивать его? Что речь шла о попытке преднамеренного убийства, было совершенно ясно. Тень, которую он видел перед входом в пансионат, принадлежала потенциальному убийце.

Фредрик не исключал того, что у него могут быть недруги. В относительно узком и довольно консервативном кругу столичных рестораторов он был известен своими нестандартными взглядами. И о винах у него было свое, особое мнение. Не было недостатка и в ярых оппонентах среди ученых археологов. Правда, по мере того как его труды по дешифровке древних письменностей завоевывали все более широкое признание, многим оппонентам пришлось бить отбой. Конечно, оставались еще упрямы, которые отстаивали собственную правоту и обзывали Фредрика Дрюма дилетантом и шарлатаном. Эти люди свою веру ставили выше всех доказательств.

Враги? Он не представлял себе наличие врагов, способных убить его.

«Кастрюлька» – золотое дно. Его доля в этом предприятии

стоила немало. В случае внезапной кончины кто ее унаследует? Фредрик не обзавелся семьей; ближайший родственник – племянник на десять лет старше него, живущий где-то на юге страны. Фредрик уже и не помнил, когда виделся с ним последний раз. К тому же этот племянник – верующий, даже какой-то проповедник. Кажется, у него целых семеро детей. Торстейн Дрюм – праведник, считающий своим священным долгом населить этот мир сонмом мини-Дрюмов, которые будут распространять Слово Божие.

Итак, на третий вопрос также не было ответа.

Последний вопрос, быть может, наиболее важный. Есть ли какая-то связь между соприкосновением Фредрика с диковинной куклой и тем, что произошло сегодня ночью?

Проще всего – ответить отрицательно и больше не возвращаться к этому вопросу. Очень уж невероятный вариант. Но Фредрик не спешил зачеркивать этот вопрос. Стало быть, надо искать ответ.

В какой-то степени еще понятно, если бы покушение состоялось, пока кукла находилась у него. Может быть, она чем-то была дорога владельцу или владельцам. Или ее почитали святыней, не терпящей осквернения руками постороннего – его руками. Мало ли на свете чокнутых... Способных на убийство? Кукла ведь необычная. Мягко говоря. Но зачем убивать его после того, как кукла благополучно вернулась к владельцам?

Там, где мать, умирая, вскормила,
Там охотник клятву дает.
Детище голода, злая сила —
Месть над далями там грядет.

Снова вспомнилось стихотворение. «*Месть над далями там грядет*». Кто-то задумал отомстить ему? За что?

На четвертый вопрос *можно* ответить утвердительно. Если кого-то не устраивало, что Фредрик Дрюм проведал о существовании этой куклы. Которая что-то символизировала. Или указывала на что-то, о чем Фредрику Дрюму не следовало знать.

При мысли о жутких глазах куклы у него снова побежали по спине мурашки.

Меланхолия... Вот уж чего не числилось за Фредриком Дрюмом.

Он шел по направлению к комплексу «Майорстюхюсет», и само слово «меланхолия» вызвало у него улыбку. В мифологии эскимосского племени инуитов существовало понятие «царство мертвых», куда попадали ленивые, апатичные охотники. Там помещалась «Долина меланхоликов», где лентяи были осуждены вечно сидеть в тени, повесив голову. Питались они случайно пролетающими мимо бабочками.

Бабочки в Гренландии... Фредрик рассмеялся. От такой пищи не разжиреешь!

К счастью, кафе было открыто. Фредрик успел проголодаться, заказал биточки, яичницу и рогалик. Плюс чай. Сел за столик в углу.

Утолив голод, он совсем повеселел, тем более что постановил переехать в другой пансионат. Он слишком долго задержался в «Моргане». Завтра же и переедет. А послезавтра, в четверг, прибудет Стивен Прэтт. И они вместе отправятся на север. Убийце будет не так-то просто отыскать его.

Еще одно решение – не рассказывать Тобу о ночном происшествии. Не хватало еще, чтобы его философически настроенный товарищ на работе ломал себе голову над проблемами Фредрика, когда тот будет отдыхать на природе.

Вернувшись в пансионат, он предупредил хозяев о предстоящем переезде. Новый адрес не сообщил, да его и не спросили. Из телефона-автомата в прихожей позвонил в пансионат «Стар» на улице Гейтсмюр. Услышал с радостью, что есть свободный номер – две комнаты, ванная и туалет, добро пожаловать. У Фредрика была привычка – бродя по городу, засекать пансионаты. «Стар» привлек его внимание не одну неделю назад. Пришла пора познакомиться с ним поближе.

Необходимо чем-то заняться. До начала отпуска оставалось всего два дня. Надо что-то придумать, отвлечься от мыслей о том, что кто-то строит планы, как его убить. А потому Фредрик взял пачку бумаги, старую дощечку с какими-то знаками и письменные принадлежности. И снова вышел из пансионата.

Было около четырех часов дня, когда он зашел в вестибюль гостиницы «Континенталь» и заказал номер. Выполнив положенные формальности, получил ключи от номера 404.

Широко улыбаясь, он опустился на стул перед конторкой и разложил несколько справочников. Поместил посередине старую дощечку с диковинными знаками. «Получил ее от моего деда Ву, которому она досталась от его деда», – рассказывал ему Ион Ву. А нашли ее будто бы в одной пещере на севере Китая.

Хитрец Ион Ву! Пятый год пошел, как тайваньский китаец вручил Фредрику это сокровище. «Расшифруешь – получишь в собственность эту ценную вещь», – сказал он тогда. Фредрик Дрюм подозревал, что «сокровище» было сфабриковано самим добрейшим Ионом Ву. Потому-то дощечка и пролежала столько лет в ящике стола. Ион Ву – большой шутник, и в этом его главное достоинство.

Так, посмотрим...

Вооружившись скальпелем, Фредрик отделил крохотную щепочку. Кивнул, увидев, что древесина внутри совсем светлая.

Знаки что-то напоминали ему, однако он не мог связать их с какой-либо восточной цивилизацией. Полистав справочники, Фредрик напал на след, и улыбка его стала еще шире.

Хорошо развеяться... Заняться умственной гимнастикой. Фредрику нравились интеллектуальные игры. Уйдя с головой в игру, заставляя говорить таинственные знаки, он не за-

метил бы, начнись в эту минуту светопреставление. Колдовское увлечение. Парадигмы, визуальные ассоциации, синтаксис, символика... Все сливалось в нечто целое, которое вдруг открывалось ему. В такие минуты Фредрик Дрюм ощущал соприкосновение с чем-то великим; казалось, он расшифровывает праязык самого Мироздания, общается с Творцом. В этом было что-то религиозное.

...А этот Ион Ву – большой хитрец, это точно. Но сработано здорово, ничего не скажешь. Составив собственные пиктограммы из оригинальных символов, корни которых в письменностях древнего Средиземноморья, он добился поистине гениальных результатов. Вот только некоторые этимологические формы носили явный отпечаток современности. Тем не менее Фредрик не сомневался, что даже опытные исследователи попались бы на эту удочку. Конечно, радиоуглеродный анализ разоблачил бы обманщика, но он мог использовать другие материалы – например, камень. И наука вполне могла быть обманута.

С каждым часом все яснее становился принцип шифра. Фредрик подумал, что расшифровать такой код было куда сложнее, чем придумать его. Добрейшему Ву требовалось лишь располагать иллюстрациями с древними письменами, развитым воображением и запасом терпения.

И вот наконец текст готов. Коротко и ясно: «ПЕКИНСКАЯ УТКА КУДА ЛУЧШЕ БАРАНИНЫ С КАПУСТОЙ».

Довольный результатом, Фредрик написал на листке несколько слов и положил записку в конверт, адресованный в ресторан Ву в Драммене. Его послание гласило:

«Дорогой Ион Ву! Совершенно согласен. Пекинская утка куда лучше баранины с капустой. Привет, Фредрик Дрюм».

Он охотно поиграл бы сейчас еще в подобные игры. За неимением таковых надо было придумать что-то другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.